

Невеста стального магната

Автор:

Елена Гром

Невеста стального магната

Елена Гром

– Я не выйду за тебя! – кричу ему в лицо. А оно все такое же. Стальное. – Твой поступок. Он не укладывается у меня в голове!

– Хватит орать, – дергает он меня на себя и силой заталкивает в машину. – Твой рот умеет делать более приятные вещи.

– Ты не заставишь меня! – пылаю гневом, пока он садится вперед. – Это противозаконно!

– Твой закон это я. С самой первой встречи.

Елена Гром

Невеста стального магната

Глава 1

«Надеюсь, сегодня ты скажешь мне «да»».

Смотрю на смс, щурясь от сибирского солнца, и прыгаю в трамвай.

Очень двусмысленная фраза. Может означать, что угодно. Первое свидание. Секс. Минет. Свадьбу.

При мысли о свадьбе, сердце делает кульбит, но я отбрасываю мысль. Потому что больше не невеста стального магната, а просто студентка театрального вуза в Новосибирске.

Ну хорошо, пусть не очень «просто». Ведь мне удалось поступить с первого раза, на бюджет. В первый же год попасть в массовку городского театра.

И сейчас я еду на первый свой спектакль, где буду играть роль Ларисы в «Бесприданнице» Островского. Пугает, насколько это сходится с прошлым. А молодой человек, мне написавший, это Толя. Весьма талантливый актер и мой партнер по сцене. Играть он будет Юлия Карандашева, что тоже весьма символично.

Уже полгода я отказываю ему в свидании, придумывая самые разные причины. Вроде отсутствия времени, страха, что это испортит отношения в коллективе, что не хочу рушить такую замечательную дружбу.

И только настоящую причину назвать ему боюсь.

Я девственница.

И, наверное, его это может обрадовать, только вот при этом мое тело весьма порочно использовалось в самых разных позах на протяжении почти трех месяцев.

И я была очень даже не против.

Девственна, но не невинна. Но сейчас, вспоминая об этом, мне кажется, что на коже застыл известкой слой грязи.

А Толя... Он другой. Он светлый. Хочет не просто отношений, он жаждет настоящей любви.

«А разве есть любовь ярче, чем между партнерами на сцене, Ниночка», – шептал он мне, недавно провожая домой.

«Есть», – думала я, только вот не приносит ничего хорошего. Как наркотики. Отказ от которых адски болезненный. Ломка невыносима. Я не принимала наркотики, но я любила.

Толе же я улыбалась, просила не торопить, и целомудренно целовала в щеку.

Порой корю себя, что эгоистично держу призрачной надеждой.

Но мне кажется, его добродушие и нежность дарят мне то ощущение света, что я потеряла два года назад.

Когда выстрелила в любимого человека.

– Пермякова! – черт. Бросаю взгляд на наручные часы. Не опоздала же вроде. У нас еще прогон. А наш режиссер вечно на панике. – Ты чуть не опоздала! Помнишь, по какой причине ты имеешь право опоздать на репетицию?!

– Если умру? – предполагаю я и сдаю свой любимый белый пуховик в гардероб.

Подарок бывшего жениха все такой же, как и два года назад.

Наверное, мазохизм, но я не могу его выкинуть. Он дарит мне воспоминания. И то, что они не только хорошие, порой держит меня на плаву.

– Правильно! Только витаешь ты где? – он хватает мой подбородок жесткими пальцами и осматривает лицо. – Выспалась?

– Весьма, – даже снилось что-то. Коты. Мне всегда снятся коты. Но не какие-то, а вполне себе конкретный, которого я оставила в прошлой жизни.

– Тогда хватит пялиться в пустоту. Я даю тебе шанс. Просрешь, другого не будет.

«Просрешь, другого не будет», – передразниваю его про себя.

Потому что повторяет регулярно. Но в лицо претензии не выскажу, потому что он самодур и может выкинуть все, что угодно.

Но при этом весьма харизматичный, со своей кудрявой черной шевелюрой, высоким ростом и поджарой фигурой.

А уж от походки, резкой, размашистой, так и вовсе многие дамы в нашем театре сходят с ума.

А еще он мой педагог. Очень требовательный и грубый. Но после отношений с Борисом Распутиным, женихом. Его ударов по самому больному, грубость Шолохова ощущаются легкими толчками в плечо.

И режиссеру весьма понравилось, как я их сношу. Плакала только один раз. Зато после этого выдавала те сто процентов, что он просил.

То есть беспрекословно требовал.

Толя уже в гримерке. Улыбается из зеркала, пока над его лицом и светлыми волосами колдует гример. Немного старит, лепит усы. А еще моя мама по сцене здесь, и, конечно, «Паратов». Видный актер, заслуженный артист сорока лет Жильцов Владимир. И ему очень не нравится, что он участвует в спектакле со студенткой второго курса.

А мне не нравится, как он играет богатого дворянина. Потому что у меня в голове сложился образ по реальному персонажу. И Жильцов ему не соответствует, больно наигранно это его: «Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.». Хотя может быть я просто сужу со своей колокольни? Ведь мир – это не только Борис Распутин. Он гораздо больше. И я сама на протяжении последних лет в этом убеждаюсь.

И убеждаю себя, что ловлю кайф от своей свободы.

– Нина, бегом, – тянет меня к зеркалу гример и распускает косу темных волос, накладывает грим на светлую кожу, оттеняет синие глаза. В другую сторону меня тянет костюмер, потом снова появляется Шолохов. Останавливает в коридоре, толкает к стене.

– Ты мне здесь нужна, а не в облаках своих. Сейчас сцена возвращения Паратова. Ты все помнишь?

Киваю и настраиваю себя на роль.

– Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих, – говорит Шолохов, чуть более низким голосом. Он и сам был актером, но повелевать ему нравится больше.

– Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

– Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот, – когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, – эти клятвы... И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

– Что «женщины»?

– Ничтожество вам имя! – с отчаянием в голосе выдает режиссер, чуть нависая.

– Ах, как вы смеее так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

И почему после этой реплики, мне хочется закрыть глаза и окунуться в прошлое. Смотреть не в зеленые глаза, а серые. Чувство, что именно Борис стоит передо мной и хлещет новой репликой Паратова.

– Я не уверен, но полагаю.

И я отвечаю, отвечаю сердцем и звенящим шепотом, облизывая губы. И Шолохов «Паратов» смотрит на них так внимательно, что становится неудобно.

– Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Я вот знаю, что больше Бориса не люблю. Знаю ведь?

Глава 2

Шолохов меня не отпускает. Только на телефон свой отвечает насчет проходов высокопоставленным гостям. А у меня есть минутка, чтобы ответить на смс. Бросаю взгляд в телефон, а там уже сообщение от Женьки.

«Хай, бейба! Я уже еду! Купила тухлые помидоры! Вдруг народ забудет, как нужно встречать будущую звезду. А после премьеры закатим вечеринку. И Толю твоего возьмем. Зажжем, подруга!».

Мне уже страшно. Хотя идеи подружки—сожительницы всегда меня пугают до дрожи.

О чем ей и пишу с тихой улыбкой. И телефон тут же отбирают.

– Ты должна страдать! А не портить грим своей улыбкой! – орет мне в лицо Шолохов, пихает гаджет обратно и марширует к рубке свето-режиссера.

Ладно хоть не забрызгал ядом. Он может. Хотя, надо признать, когда смеется, он становится почти красивым.

– Мне кажется, ты ему нравишься, – Толя. Отлепляется от стены и подходит близко. – Он орет так эмоционально только на тебя.

– Ты просто давно не был на его занятиях. Там он не только орет, но и кидается стульями.

– О, Боги, – смеется Толя и проникновенно смотрит мне в глаза. Ну, давай, вот именно сейчас самое время. – Как ты выжила?

– Мне не привыкать к тирании.

– Отец, – улыбается он, и вот здесь я не могу соврать.

– Мужчина.

– Оу, – поднимает он руку к голове, как обычно делает, но вспоминает про лак и смеется в кулак. – Черт... Я был уверен...

Уверен, что я девственница. Кто бы сомневался.

– Это проблема? Теперь ты не ждешь моего «да»?

– Да, нет, – неловко смеется он, – просто я бы был настойчивее и уже бы ждал другого «да». Нина, послушай...

– На сцену! Толя! Перед спектаклем в душ. И ручкой поработать. Не хватало, чтобы зрительницы на твой стояк смотрели, а не на сцену.

– Деликатность – это не ваше, Костя.

– Да я деликатен как никогда! Иначе бы сказал, что уже собираюсь сварить твои яйца, чтобы ты их к Пермяковой не подкатывал. На сцену я сказал!

Сцена. Сцена. Сцена. Зритель требует хлеба и зрелищ. А мне хочется стать достойной их внимания. Но эта роль...

Я не хотела ее. Уж слишком мне близка героиня. Я чувствую ее терзания. Боль. Страх.

Да, со сцены кажется, что я вжилась в эту роль, с первого раза понимаю поставленные режиссером задачи. Только вот... Это не игра. Я и есть бесприданница. Оскверненная и убитая. Самое легкое в этой роли умирать. Быть подстреленной тем, кому я не досталась. Тем, кого опозорила своим выбором мужчины.

Тем, что стала предметом жребия.

И только падая в нишу в сцене, имитирующую воду, мне кажется, я бы могла побороться. Чуть вильнуть в сторону. Не дать себя убить и прыгнуть в реку сама. Уплыть и действительно начать жить с нуля.

Наверное, потому что в отличие от героини я даю себе шанс отмыться от ментальной грязи. В отличие от героини я хочу жить.

Зал взрывается аплодисментами и я, лежа на матах, в темноте, улыбаюсь. Реву, что в первый раз в жизни я сделала что-то по-настоящему достойное.

Чувствую на запястье захват и дергаюсь.

– Пока никто не слышит, я скажу, – в темноте голос Шолохова звучит горячим шоколадом. – Ты эту роль как будто через себя пропустила. Просто неподражаемо.

– Пока никто не слышит, я скажу. Вы – великолепный учитель.

Его пальцы на этих словах сжимаются крепче, стискивая кожу. Но в следующий миг он вытягивает меня из-под сцены, бросает последний взгляд и пропускает вперед. Чтобы я поднялась на общий поклон.

И там, в шуме оваций и слепящем свете прожектора я вижу силуэты. Мама, папа, Женя. Такая же разгильдяйка, но мужиков не таскает, за что ей моя благодарность и стряпня.

И ощущая смутное волнение, бегаю глазами по залу, чтобы уловить еще один силуэт. Но глупости.

Такому человеку нечего делать в Новосибирске. Тем более нечего делать в театре. На спектакле бывшей невесты, что поступила не так, как он хотел.

И это хорошо, потому что он мог все испортить. Ведь в памяти до сих пор живо, как он испортил мой первый поход в театр. Уничтожил в корне радость членом, что пихал в рот.

В примерке ликование. Все рады закончить рабочий день, а на меня опускается тьмой тоска.

Возможно, потому что я все еще чувствую боль бутафорского выстрела.

Он как нить, связующая прошлое и настоящее. И я до сих пор помню ту боль, что я никому не показала.

Помню, что просто, как человек, получивший ранение, но не сразу его осознавший, заморозила сознание. Ровно до того момента, когда осталась одна.

Вот тогда меня прорвало. Даже сейчас я ощущаю ту боль в груди, словно пулю я пустила не в своего жениха, а в себя.

– Нина, – заглядывает Толя, когда все уже ушли. – Там твоя Женя меня атакует.

Я смеюсь, быстро стерев слезу, и беру сумочку. А оттуда начинает жужжать телефон.

Обуваю зимние ботинки, достаю свой самсунг. Замираю, прочитав несколько слов с незнакомого номера. Потом снова. И снова. Словно каждая буква клеймо, выжженное на коже.

«Мне понравилось смотреть, как ты умираешь».

Глава 3

Как в ледяную прорубь с головой окунаюсь в прошлое.

Дыхание перехватывает, сердце как отбойный молоток и только глаза как два блюдца в экран.

В каждую букву. В смысл сказанного. В то, что он был здесь.

Борис видел меня. Он пришел специально?

Так и сижу, зависнув в экране, пока меня не выдергивают из мыслей веселые голоса.

– Ну что я говорила, – смеется Женька, как всегда сногсшибательна в белом манто и высоких ботфортах. «Зима не повод быть страшилой» – её слова. – Она от собственного успеха впала в ступор. Ау... Детка?

– Все нормально... – быстро отключаю телефон, бросаю в рюкзак. Его через плечо и встаю. – Ступор прошел, я готова.

По прищуренному взгляду Жени понимаю – не поверила.

Она читает меня как открытую книгу. Для Толи же я святой трактат, который трогать нельзя.

– Тогда вперед, – подходит Женя и под руку берет, а Толя сзади плетется. – Потом все расскажешь.

– Да нечего рассказывать.

– Ну посмотрим, – говорит она, пока выходим в холл театра, где еще никто не разошелся. Неожиданно оглушает криком: – А вот и мои поклонники... Или не мои.

Мама – все еще в расцвете сил и стройности. Папа с небольшим комком нервов, лысиной. Сегодня еще и с цветами.

– Спасибо, мои дорогие, – обнимаю обоих, чувствую привычный запах борща и душок дешевых сигарет. Улыбаюсь.

Роднее у меня никого нет. Была еще сестра. Но пропала два года назад. Несмотря на нелады с ней в отношениях, меня не отпускает чувство вины из-за ее исчезновения. Ведь косвенно к этому причастна я.

И Борис.

Он причастен ко всему, что со мной происходило раньше.

Но не теперь. Теперь он не имеет власти надо мной.

А СМС...

Ну пришел на премьеру, ну убедился, что во мне все так же нет ничего интересного. Ну узнал новый номер телефона.

Не нужна я ему больше.

Бесполезная инвестиция, которая не принесла доход.

Передаю цветы нетерпеливой Жене, и мы идем к выходу. Я стараюсь ни оглядываться, ни думать о том, что прямо сейчас он все еще в театре. Смотрит прямо на меня.

Нет. Нет. Наверняка он уже уехал. С очень красивой женщиной, которая уже отсасывает ему в машине. Все, как он любит.

Все, как любила я. Потому что его удовольствие было приоритетным, даже если шло вразрез с моим комфортом.

Главное, что «было». Теперь это разбитое прошлое, осколки которого я давно подмела и выбросила в мусорное ведро.

– Господи... – ахает Женя, и меня прошибает озноб. Но увидев, на кого она уставилась, по телу разливается спокойствие.

Шолохов любит привлекать к себе внимание прессы. Он вообще любит, когда его любят. Пока Женя расспрашивает Толю о «том самом Шолохове Константине», бросаю взгляд на свое запястье.

Странно, но показалось, что тем, как режиссер сжал его, он что-то хотел мне сказать.

– Это тот, что стульями кидается? Ой... Я бы не отказалась ощутить на себе силу его рук. Очень надеюсь, он спит не только с актрисами. Нина. Иди. Он зовет тебя, – подталкивает меня Женя, за что получает огненную стрелу в моем взгляде. Толя вручает мне один из букетов, и я иду к режиссеру.

Он действительно меня подзывает.

Обхватывая талию и прижимая к себе, он рассказывает всем о моем фантастическом везении. О том, как среди бесталанных студентов отыскал алмаз и придал ему блеска.

Почему-то на этих словах мне становится неудобно, тошно... А прошлое и мысли про огранку начинают заполнять сознание. Почти вызывая тахикардию.

Вспышки камер и я протираю глаза. Моргаю и мне кажется... Мне только кажется, что возле колонны я вижу знакомый силуэт.

Нет. Так не пойдет.

Я так с ума сойду, думая, где он меня выловит и что скажет.

Нигде.

Ты выстрелила в него!

Сбежала со свадьбы.

Многие ли мужчины захотят после этого вернуться к женщине. Мазохисты? Борис вроде замечен не был.

Зато была замечена я.

Встряхиваюсь и бегу к своим.

Не хочу больше думать о плохом. Борис умел мастерски испортить мне самые лучшие моменты. Но сегодня даже его театральное сообщение ничего не испортит. Я стала актрисой! Я больше не люблю его. Сегодня я буду отжигать! И сегодня я-таки скажу Толе «да».

«Да» на тот вопрос, который он постесняется задать. В конце концов мне сколько лет? Для кого мне хранить кусочек кожи внутри влагалища? Для кого? Для свадьбы, которой никогда не состоится? Для мужчины, который так долго меня унижал?

Сегодня я перейду тот барьер между прошлым и настоящим, который сдерживал мою свободу. И возможно именно эта смс подтолкнуло меня. Дало понять, что все, что было, не должно влиять на мою жизнь. На будущее.

Сегодня я буду смелой, открытой, может быть немного развязной.

Надо только выпить.

Именно поэтому я подхожу к импровизированному бару у нас в квартире на десятом этаже и протягиваю бокал. Пустой.

– Еще.

Глава 4

Мне легко. Свободно. Хорошо.

Я танцую. Вскидываю руки вверх и чувствую жажду движения. Жажду жизни.

Пузырьки шампанского щекочут горло, и я звонко хохочу, потому что мне весело.

Вокруг люди. Их так много, но для меня они сплошная толпа.

Я даже половины не знаю.

Вернее, я не знаю никого. Кроме Толи, что пытается двигаться рядом. Но мне он скорее напоминает шест, возле которого кручу очередную фигуру. Вспоминаю уроки, что давала мне тренер в московской школе танца, и веду себя... Развязно. Это слово подойдет.

Хихикаю под нос, смотря в удивленные глаза Толика, вот только думаю о том, что бы обо мне сказал Борис. Как бы он оценил мой поступок...Танец на виду у всех, трения об чужого мужчину.

Может быть даже наказал бы меня. Дернул на себя, развернул спиной и прошелся рукой вдоль спины. Да. Да. Ниже. Он бы задрал платье. Разорвал трусы и без прелюдий вошел бы в меня.

О, как я мечтала о классическом сексе, о том единении тел, что мне приходилось чувствовать через боль секса анального. Сейчас мне кажется дикостью, почему Борис так и не сделал меня своей.

Ссылался на скорую свадьбу и желание дать мне надеть белое платье.

На этой мысли останавливаюсь. Странно. Просто безумие.

Вот Толя. Даже учитывая его веру в красивую любовь. Он бы вряд ли стал ждать свадьбы.

Тогда почему терпел Борис? Ведь много раз он был на грани. Много раз головку его крупного члена отделяло лишь мгновение от взятия моей чести. Но что-то его всегда тормозило.

Что же?

– Нина, хочешь отдохнуть? – голос Толи как будто издалека. Через окно. И мне хочется поставить еще пару стеклопакетов.

Но я киваю. Потому что эйфория начинает слетать, а на плечи словно наваливается тяжелым грузом усталость. Так что диван, на котором двигаются в разные стороны еще две парочки, кажется настоящим пристанищем богом. И я откидываю голову на спинку, прикрывая веки, и продолжаю думать.

С чего бы мужчине отказываться от того, что я сама так упорно предлагала.

– Выпей еще, – снова голос Толи и его рука на затылке. Я раскрываю губы, чувствуя стекло бокала, затем искрящееся вино. Оно льется в горло, и я облизываю губы.

Чувствую на себе взгляд. Толя. Такой хороший, хороший Толя. Я же вроде бы сказала ему: «Да» насчет свидания, и он теперь светится от счастья. Мне приятно, что смогла порадовать его.

– Ты сегодня была просто великолепна. В зале не осталось ни одного зрителя, кто бы не поверил в любовь и страдания Ларисы в твоём исполнении.

Ни одного. Это уж точно. Где он сейчас? С кем? Думает обо мне? И почему же я не могу забыть его? Зачем он напомнил, как ловко умеет рушить самый счастливый миг своими колкостями и обидной правдой.

«Если ты научилась сосать, это не значит, что с тобой интересно разговаривать».

Дергаюсь. Именно этот момент Толя выбрал, чтобы зайти чуть дальше в наших отношениях и погладить мое бедро. Трепетно, почти щекотно, особенно, когда начал задира́ть персиковое, трикотажное платье. Касаться кромки белья.

А я понимаю. Все правильно. Нужно отдаться во власть его такой трепетной любви и просто в ней купаться.

Поэтому смело направляю его руку чуть дальше, чтобы он коснулся абсолютного сухого белья.

– Нина. Ты такая нежная, красивая. Ты бы знала, сколько всего мне хочется тебе сказать. Твои губы, они как лепестки розы, украшенные утренней росой. Твоя кожа нежнее шелка, что только что соткали. Твои алебастровые груди навевают

мне воспоминания о пирожных, что делала бабушка с вишенкой. Твои глаза, как голубика, которую хочется съесть.

Остановись... Боже, остановись.

Меня пробирает смех, потому что очень уж не хочется быть съеденной. Я откашливаюсь.

– Отведи меня в туалет. Мне что-то плохо.

Он тут же подпрыгивает, и я ковыляю, пока он обнимает меня за талию. Наверное, надо перестать думать. Начать чувствовать. Полюбить этого ягодного романтика в ответ.

Но в туалете, пока я умываю лицо, а он гладит мою спину, я понимаю – не то.

Это просто не то.

Или я стала какой-то неправильной. Или его характер не такой жесткий, как я привыкла. Он будет позволять мне все. Он даже простит возможную измену. Но разве это делает женщину счастливой? Полное всепрощение, приведшее к ненависти по отношению к мужу?

Собираюсь перед ним извиниться, сказать, что не готова к каким-либо отношениям, кроме дружеских. Но не успеваю.

Его губы слюнявым тараном пробивают оборону моего рта и буквально вынуждают принять язык, который, кажется, собирается выкопать у меня клад, столь резко он двигается.

Руки на заднице теперь осознаются чужими, и я, напрягая все мышцы тела, отталкиваю героя-любовника.

– Понимаю, прости. Не здесь, конечно.

Он собирается сказать что-то еще, но в этот момент дверь открывается, и заглядывает бармен.

– Это твоя машина Мазда три ноль три.

– Моя! – разворачивается Толя. Вот кого он всегда будет любить больше своей жены. Так это Мазду. Он с ней уже лет десять. Говорит о ней, как о живом человеке. – Что с ней!?

– Эвакуатор забирает.

– За что?! – орет Толя и, даже не взглянув в мою сторону, проносится мимо парня в тату, что спойл меня отменным шампанским.

– Тебе помочь? – спрашивает он, когда начинаю истерически хихикать и сползать на пол. Ноги не держат. Мысли желе. Хочется немного поспать. Подумать. Подумать. Поспать.

– Не надо...

Быстро Толя убежал, словно кто-то специально увез его машину. Как будто кто-то оберегает мою проклятую девственность.

Кто же еще. Борис. Защищает. Оберегает.

Не даст никому причинить мне зло, чтобы лишь у него была такая возможность.

Борис.

Голова тяжелеет с каждой секундой, пространство начинает уплывать. А потом я резко открываю глаза, когда рядом с кроватью раздается оглушительный звон.

Телефон. Смотрю на экран. И пока тяну кнопку, чтобы ответить родителям, думаю... Кто меня перенес в мою спальню? Кто раздел до нижнего белья?

– Нина, – оглушает меня радостным криком мама, и я трясую головой. Давай. Нина. Трезвей.

– Мама, что...

– Они нашли Ульяну. Детективы нашли, где она сейчас обитает. Можно ехать за ней в Европу!

Глава 5

Это же чудесно! Улыбка до ушей, и мысль о том, как я оказалась в своей комнате, отходит на второй план.

Я шагаю к тумбочке, где в специальной папке отложены деньги, виза и заграничный паспорт. Родители квартиру снимают, меня приютила Женя, а деньги по продаже двушки в Усть-Горске, откуда я родом, и где прожила всю жизнь, мы отложили.

Мы решили найти Ульяну любой ценой. Мертвую или живую. И ни при каких обстоятельствах не обращаться к возможному виновнику ее такого таинственного исчезновения.

Убираю все обратно и сажусь за ноутбук, чтобы посмотреть рейсы. Билет я возьму не раньше тридцатого числа, после всех спектаклей и новогодних елок, где я подрабатываю Снегурочкой.

То есть еще неделю я не смогу осуществить наш с родителями план. Смотрю рейсы на тридцатое до Амстердама. Там была найдена Уля. Не густо. Всего два и оба через Москву. Пересадкой в несколько часов.

Ну что ж...

Что такое легкий дискомфорт по сравнению с возможностью, наконец, искупить свою вину за ненормальные чувства к Борису – самое главное за обман родителей – можно и потерпеть.

Ведь, если бы я сказала о том, что магнат начал, как говорит Шолохов, «подкатывать ко мне яйца», трагедии можно было бы избежать.

Любви можно было бы избежать. Надеюсь...

Немного побродив по виртуальному туру Амстердама, подмечая места, куда бы я хотела попасть, я иду в душ. Включая хороший напор, я почти не думаю, пока жесткие струи бьют хлыстами тело.

Ох... Как же хорошо стоять вот так лицом вверх, представляя себя под проливным дождем. Меняю температуру воды с холодной на горячую. Несколько раз.

Не могу сдержать крика на холодной. Шипения на кипятке. Мазохистка? Но мне нравится контраст. Нравится, когда словно кидает из стороны в сторону. Нравится, когда взлетаешь в своих надеждах, мечтах, планах, а жизнь снова и снова лупит об асфальт реальности... Скажите, больная? Но я об этом стараюсь не думать, просто наслаждаться душем и тем, как перепады температур влияют на мое состояние. Меняю температуру воды и снова вскрикиваю.

Так что очень круто, когда это состояние контраста задевает нервные окончания. Это удовольствие. И именно после таких моментов на тело накатывает легкой волной возбуждение. Теплится где-то между ног, куда и опускаю пальцы. Горячо. Кончиками цепляя клитор и закусывая губу, слегла его потираю.

Отпускаю мысль, которая несет меня в тот день, когда Борис принимал душ со мной.

Впервые.

Впервые я ощутила вкус его твердых губ. Именно тогда первый раз прикоснулась к его телу, взяла в руки желание, водила по нему ладонью. Так долго, и в таком темпе, который диктовал он. Пока плоть в руках не стала казаться каменной, а терпкая влага толчком не брызнула в лицо.

В реальности не так все приятно. Ведь своя рука между ног не сравнится с опытной, мужской, что умела сделать приятно в любом состоянии.

Еще пару движений пальцами и напряжение отпускает меня с рваным выдохом.

Теперь я стою, облокотившись спиной на плитку, и пытаюсь отдышаться.

А потом открываю глаза и замираю.

За прозрачной, мутной перегородкой стоит силуэт. Неподвижно. Как будто специально наблюдая и даже не стыдясь этого.

Зато стыдно становится мне и хочется прикрыться. Я вспоминаю, не издавала ли громких звуков. И вообще, кто бы это мог быть?

Ведь Женя мужчин не водит, а гости, судя по тишине в квартире, разошлись.

А может быть это... Он?

Резким движением провожу рукой по стеклу, стирая пленку запотевшей воды, но там уже никого. И незнание начинает злить. Я домываю голову, в быстром темпе заканчиваю остальные процедуры, к которым так привыкла за время жизни с Борисом. Выхожу в гостиную.

– Долго же ты спишь, – смеется Женя, пританцовывая у плиты.

Что?

Стоп.

Женя?

У плиты? Нет, нет. Вы не поняли. Она вообще готовить не умеет. Даже не знает, с какой стороны подойти к электрическому чайнику.

Я подбегаю, проверяю температуру тела ладонью, потом целую ее в лоб. Нормальная вроде.

– Ты не заболела? – спрашивает она, а я отвечаю ей в тон:

– Не заболела ли ты !? Ты же никогда...

– Тсс, – шипит она и смотрит за свое плечо. Но гостиная пуста. Как и мое сознание.

Ни одной мысли, с чего бы Жене, дочери прокурора Усть-Горска, избалованной и инфантильной блондинке, вдруг становиться примерной домохозяйкой.

Может быть шизофрения настигла не только меня. Тогда она ничего не подумает, если я спрошу.

– А кто меня отнес в комнату? – про «раздел» я умалчиваю

– Здесь было столько народу, – пожимает она плечами и пробует тесто для блинчиков по рецепту моих записей. Да на здоровье.

Судя по консистенции, она не промахнулась.

– Кто угодно мог тебя не то, что в постельку отнести, так еще и трахнуть.

– Учитывая, что это твой дом и твои гости...

– Я к тому, что нужно контролировать, сколько ты пьешь. Всегда. И знать меру, чтобы потом не проснуться в компании отморозков с разорванным очком и молясь, что не подцепила спидуку.

Господи.

– Женя, какие ужасы ты рассказываешь.

– Милая. Я заядлая тусовщица. Я могу тебе и не такие истории рассказать, просто раньше я тебя в это не втягивала. И не собираюсь. Хочешь оставаться вечно верной своему Борису, это твое право.

Меня потряхивает от имени, но я все равно стискиваю зубы и по привычке цежу:

– Я не собираюсь быть ему верной! Я больше не люблю его! И никогда не любила! И он не мой. И... – трясет от возмущения. – И я вчера хотела отдаться Толику, но его машину забрал эвакуатор.

Провал в голове и снова приходит мысль, что машина была припаркована верно. Да и непонятно, кто же перенес меня на кровать. А самое главное, кому понадобилось смотреть как я... Как я... Мечтала.

– Ну, что замолчала.

– Жень. Гипотетически. Ты бы заметила Бориса, если бы он пришел на вечеринку?

Женя смотрит на меня как на клиническую идиотку.

– Мужика под два метра ростом с выражением лица убийцы? Определённо, да.

– Но ты могла отвлечься...

– Я бы даже если трахалась, его бы заметила...

Ну ладно... Здесь я согласна. Борис Распутин, будучи мужчиной высокого роста, широкоплечий выделяется из толпы. И мне тоже хотелось выделяться вместе с ним. Но сейчас вопрос остается открытым.

Ровно до того момента, пока из комнаты Жени не выходит мужчина.

Одетый, как обычно, в джинсы и черную рубашку.

Я вместо того, чтобы поздороваться, ошалело смотрю на стряпающую Женю. Не могу поверить.

– Пермякова, чего застыла. Садись за стол, – отодвигает мужчина мне стул и я, как сомнамбула подхожу, на него опускаюсь.

Женя бросает все и бежит к этому психу, буквально с лету заталкивая язык тому в рот и я, засмотревшись на животный поцелуй, сначала и не замечаю, как один из них смотрит... на меня.

А я резко отворачиваюсь и содрогаюсь от осознания, кто раздел меня до нижнего белья, кто перенес на кровать, кто смотрел, как себя ласкаю. Черт...

Опускаю взгляд и стискиваю зубы, потому что впервые вижу Женю такой счастливой. Имею ли я право из-за своих нелепых обвинений рушить ее счастье? Простят ли меня, если ошиблась. А если нет?

Глава 6

Видеть собственного преподавателя у себя дома, даже еще и с подругой на коленях мне кажется настоящей дикостью.

И я смело говорю об этом. Смело, но не сразу.

Сначала Жене.

Ее ответ ожидаем. Не несет собой желания оскорбить или унижить. Просто она ставит перед фактом

– Мы договорились не таскать мужиков, но с Костей у нас настоящие, серьезные отношения. Мне жаль, что ты на них не способна, Нинуль.

Серьезные? Так она про непрекращающуюся еблю, распитие алкогольных напитков, без единого совместного выхода в свет. Он ночевал у нас уже пятую ночь подряд, делая мою жизнь почти невыносимой. Никогда ранее не закрывавшись, я стала это делать, отсчитывая остатки дней до перелета. С утра убегаю на учебу до того, как это вечная парочка твикс расклеится и выйдет на кухню.

О том, что мне некомфортно слышать, как мой преподаватель занимается сексом, я заявляю ему самому, все-таки наткнувшись ночью после ванны.

– Ты всегда можешь посмотреть... Или поучаствовать.

Мне кажется, в лицо просто плюнули.

– Что? – я не верила своим ушам. Я не хотела, чтобы мои подозрения подтверждались, и он здесь из-за меня. Но... Его руки мешают отступлению, толкая к стене в коридоре. Дыхание с запахом виски почти касается губ.

– Мне всегда было интересно знать, что под корочкой у снежной королевы.

– Я не...

– О да... Именно королева. Как быстро я смогу растопить корку своим огнем?

– Вы сумасшедший?! – шиплю ему в лицо. – Женя влюблена в вас, а вы.

– А я хочу тебя... Но и пальцем не трону, пока ты моя студентка... – успокаивает он меня, и я даже хмыкаю. Но этот придурок неожиданно прижимается ко мне всем телом. Явственно показывая, как сильно ему мешает мой статус.

– Именно поэтому я взял перевод в другую группу. Скоро ты перестанешь быть моей студенткой, а станешь...

– Вот еще!

Отталкиваю его, но снова оказываюсь в плену рук. Спиной к твердой груди, к губам, что стали скользить по шее. Никакой грубости, лишь попытка продемонстрировать желание. Лишь попытка меня возбудить.

– Еще ни одна актриса не вызывала во мне столько противоречия.

– Какого? – пытаюсь сосредоточиться на ощущениях. Должно же быть хоть что-то. Любой отклик в теле, который позволит мне сказать, что я не совсем дурная,

раз возбуждаюсь только при мысли о том, как смотрел на меня Борис, насаживая горлом на свой член.

– Еще никогда мне не хотелось женщину утешить в равной степени, как отхлестать ремнем. Ты же саба? Я прав?

Меня начинает мутить, и я, чувствуя, что не могу больше терпеть его касания и пьяный бред, наступаю на ногу.

– О чем вы, черт возьми?

– Блять! Больно! – выдыхает он и трясет головой, забавно при это подпрыгивая на одной ноге. Потом сквозь пелену слез выдает – Саба. Нижняя.

– Я не понимаю. И надеюсь, никогда не пойму. И если вы... – набираюсь смелости. – Если вы тронете меня подобным образом, то я...

– Ты? Что сделаешь? – поднимает он брови в ожидании моей угрозы, заранее думая, что она может быть смешной.

И я тоже хочу посмеяться, так что складываю руки на груди и выдаю:

– Так уж вышло, что все мужчины, которые ко мне приставали, мертвы. Выжил только один, но ему повезло. Пуля в грудь навылет. У вас как с удачей?

То ли мой тон, то ли выражение лица, то ли содержание короткого рассказа не позволяют ему больше смеяться. Он проглатывает смех и обходит меня, так и не взглянув.

Саба... Нижняя. И о чем он?

Сажусь перед ноутбуком, и смотрю на часы. Мне скоро просыпаться, а я занимаюсь ерундой. Лазаю по сети в поисках информации, которая меня... Надо признать, будоражит.

Пускает в тело тот самый ток. Который не смог весьма привлекательный мужчина. Ни даже Толик, который клятвенно обещал больше не оставлять меня

одну.

При слове «Саба» вылезло довольно много всего.

От Сабо до собаки.

Но помимо этого были снимки с женщинами в разных позах, чаще всего на коленях или вылизывающие ноги мужчине.

Господи...

Тошнота подкатывает к горлу, и я вскакиваю. Снова проверяю, закрыта ли дверь. Все ли на месте в сумке. Но экран светится и притягивает мой взгляд.

Перебарывая тошноту и поддаваясь любопытству, сажусь обратно. Тыкаю на одну симпатичную картинку с девушкой в ошейнике и рукой мужчины на ее голове.

Тут статья о доминировании, унижении, поощрении и том, как быстро саба привыкает к удовольствию контраста, как быстро сама начинает искать повод быть наказанной. Как не может без этого.

Закрываю ноутбук резко, с хлопком. Гадость. Боже, какая гадость.

Ко мне это вот точно отношения не имеет. И даже если мне нравилось, как Борис наказывает меня за проступки, то только лишь потому что это был Борис, а не какой-то посторонний мужик с плеткой.

Я хочу вертеть в это. Я хочу верить, что то, что написано в статье, мне не нужно.

Хватаю телефон и делаю величайшую глупость.

Просто спрошу.

Если он занят, то не возьмет трубку. Это со всей вероятностью даже не его номер. И зачем я вообще сохранила это сообщение?

Просматриваю знакомый текст и вспоминаю, как на последних двух спектаклях ждала его неожиданного появления, высматривала в зале, крутила телефон в руках.

А вдруг.

Зачем. Господи, Нина. Все в прошлом. Зачем ты сама дергаешься дракона за хвост. Ведь знаешь, что его пламя тебя убьет.

Я просто спрошу и все. Я просто услышу его голос.

Шумно выдыхаю в темноту, когда почти касаюсь кнопки вызова.

Три... Два... Один...

Нажимаю, часто, судорожно дышу, пока идет гудок. Один. Второй. И металлический голос, как выстрел из прошлого:

– Нина, в чем дело?

Ох...

Я резко отключаюсь и отбрасываю от себя телефон, как ядовитую змею. Боже. Четыре часа утра. Его голос. И ни черта непонятно. «Нина, в чем дело» – Отстать? Или «Нина, в чем дело» – Мол, случилось чего?

Никогда не могла определить его настроение, только грязные, порочные желания, которые мастерски научилась утолять.

И наслаждаться этим.

Жить этим.

Такие чувства я испытываю теперь только, играя роли, в остальное время, кажется, только существуя.

Экран телефон загорается, там идет вызов, те же цифры, но я даже не встаю с кровати. Надеюсь, подумает, что просто ошиблась.

Тем более через пару часов выезжать в аэропорт.

И я уже поворачиваясь к стене, с отвращением слыша новый стон за стенкой, такой тонкой, словно я действительно рядом с ними. Хочу дотянуться за замолчавшим гаджетом, почти достаю пальцами... Еще немного... Но вдруг тишину квартиры нарушает трель входного звонка, и я с грохотом падаю с кровати, болезненно застонав. Локоть отбила. Трель повторяется, и кто-то начинает активно долбить в дверь. Так, словно выбивает. Подскакиваю и бегу в сторону двери.

Да быть такого не может!

Глава 7

Меня колотит, как от холода, но я все равно иду к двери.

Глаза почти слезятся, и я быстро убираю пару дорожек с щек.

– Вы меня заливаете! – слышу голос. Не тот. Этот незнакомый, мужской и я почти падаю от облегчения, цепляясь рукой за стену коридора. Или острого разочарования?

Ну, даже если он в городе, даже если он рядом, каким бы образом он появился здесь так быстро.

На метле?

– Постойте! Мы ничего не включали, – орет Женя, и я вдруг вижу несущегося, лысого мужчину в майке и черных трениках.

Он сразу к ванной, но так, как и сказала Женя, выскочившая в одном белье, все сухо.

К нашему удивлению, вместо того, чтобы извиниться, этот сосед идет дальше по коридору, заглядывая во все комнаты.

Мы с Женей переглядываемся, и она воинственно берет зонтик.

– Эй, вы чего здесь забыли?!

– Где-то должно протекать. У меня весь потолок мокрый!

Странно... и я в страхе тоже хватаю висящий на стене бутафорский меч.

Ну что ж, вариантов немного. Воткнуть в глаз, разорвать селезенку. Господи. Почему мне не пришло в голову просто ударить его по голове рукояткой?

Но это... «Неэффективно», – сказал бы Борис.

И, конечно, угрозы полицией не помогают. Действительно, кого ими сейчас напугаешь. «Вас еще не убивают, тогда мы к вам не едем».

И, конечно, я оказываюсь самой везучей, когда охамевший сосед, заглянув в мою комнату, словно находит интересующий его предмет и собирается войти.

Бегу к нему и не даю зайти дальше пары шагов, пригрозив мечом.

– Выметайтесь искать тех, кто вас залил! – говорю четко, проговаривая каждое слово, – а иначе...

Смотрю на Женю в поисках поддержки, а за ней уже стоит Шолохов. Долго же он шел!

– Мужик, тебе чего. Давно зонтик в задницу не пихали? Ты не смотри, что девчонки молодые, они заядлые straponессы.

Сосед хохотнул, как Женя и сам Шолохов, который пошел провожать незваного гостя. А я даже знать не хочу, что такое straponессы. Потому что про слово «страпон» Женя мне рассказывала. Тем более знать, почему именно в мою комнату заглянул, было крайне интереснее. Учитывая, что это произошло через мгновение после моего опрометчивого звонка Борису. Смех стих, а входная дверь захлопнулась, и я быстро осматриваю обстановку комнаты: односпальную кровать, стол, шкаф с минимальным набором вещей, собранную на утро сумку. А потом в голову закрадывается острое беспокойство, что все это не было случайностью, и бегу к двери.

Смотрю в глазок, как упругим шагом незнакомец спускается по лестнице, разговаривая с кем-то по телефону.

С кем он бы мог разговаривать в такое время. Четыре часа утра. Еще страннее, что он взял с собой телефон будучи уверенным, что вернется домой через пару минут.

Цепочка из этих событий и поступков складывается в единый образ, обвивающий бюст человека. Я приваливаюсь в пучину собственного сознания и воспоминаний. Закрываю глаза и касаюсь лбом двери.

Не просто человека, а весьма влиятельного человека.

Поворачиваюсь к двери спиной и сползаю по ней, уткнувшись в свои колени подбородком.

Нет, это, конечно, могло быть совпадением. Мужчину и правда могли топить. Если он живет этажом снизу, то логично, что он пришел к нам. Ровно через пару минут после звонка Бориса. Черт... А если не случайность? Получается, Борис знает о каждом моем шаге? Следит? Приставил человека? Не самому же ему меня пасти, как тупую овцу?

Мысли пульсируют в висках, глаза от мерного ритма даже открывать не хочется, потому что в голове образ Бориса. Как бы далеко он не был, все равно заботится обо мне. Не мстит, не унижает, не требует подчинения, просто следит и беспокоится.

Это ощущение полной защищенности приносит, напротив, в душу беспокойство.

Ведь я не знаю причин. Неужели он планирует меня вернуть?

Господи...

Как наивно это звучит. Меньше всего я представляю, как он заявляется ко мне с цветами и объясняется, как скучал, как изменится и будет носить меня на руках.

Даже усмехаюсь от такой мысли, а потом слышу хлопок двери. Вижу край джинсы, значит Шолохов уже уходит и стремительно ретируюсь в спальню. Больше мне сталкиваться с ним наедине не хочется.

Спать уже бессмысленно, так что пора собираться. Тянусь к приготовленной одежде, невольно думая о том, что теперь всегда стараюсь одеваться так, как это нравилось ему. Стильно, но не вычурно. Зимой, конечно, так не особо походишь, но джинсы и шелковая бежевая блуза вполне подойдут образу стильной меня.

Телефон на столе жужжит, и я застываю, так и не застегнув блузку.

От страха и предвкушения, что это может звонить Борис, мутит. Ткань бюстгалтера становится тесной и колючей. Я сглатываю и подхожу к телефону, переворачиваю и выдыхаю.

Родители приехали.

Мысли о том, что Борис заделался моим ангелом-хранителем, не оставляют меня по пути в аэропорт. Зачем ему это? Чего он добивается. Бросаю взгляд на телефон, пока на лице сменяется свет и тень от проносящегося мимо уличного освещения.

– Доча, все нормально? – отец глянул на меня через зеркало заднего вида. Они забрали меня ровно до того момента, когда из нашего подъезда вышел Шолохов.

Я была рада, что у меня есть передышка от него до середины января. Не хочется, чтобы он снова начал проявлять внимание и часто у нас появляться.

– Да, пап. Просто волнуюсь.

– Вот и я о том, – влезает мама. – Зря мы это затеяли. Поездка эта... Я понимаю, нам нужно знать, что с Ульяной. Но раз она не связывается с нами, может не хочет?

– Или нет возможности, – качаю я головой. Мы уже столько раз это обсуждали. – У нас не получится нормально жить, не зная, что с ней. К тому же, Александр Маркович будет рядом со мной.

Этого иностранца мы нашли случайно по интернету. У него русские корни и свое сыскное агентство в Лондоне. Ему-то мы и платили за поиск Ульяны, выслав информацию и фотографию сестры. Судя по его фото, он сам был довольно приличным, упитанным мужчиной средних лет с залысиной.

– Жаль я не смогу с ним познакомиться, – сетует отец, уже паркуясь возле Толмачево. – Он не мог приехать сюда?

– Уже хорошо, что он встретит меня в Москве. У него там какие-то дела. Так что не ворчи. Скоро мы этот вопрос решим, и ты сможешь пить свое пиво, рыдая над какой-нибудь передачей, а не потерянной дочерью.

– Тебе не идет сарказм, – усмехается отец и кивает на светящееся в темноте здание. – Пойдем, не хватало еще на рейс опоздать.

После регистрации я прощаюсь с родителями, обещая звонить два раза в день, и иду садиться на самолет. И только там, под шум турбин мне удастся на время выкинуть из головы Бориса и мысли о том, что бы он сказал, узнай о моей поездке.

А если уже знает?

Проснувшись от гудения самолета и боли в ушах от снижения, я хмурюсь. Внутри растет тревожное чувство. В мыслях раздрай, и, если честно, очень хочется почистить зубы. Быстро осмотрев себя в маленьком зеркальце, я пытаюсь успокоиться. Но паника растет. Вот ни с чего. Может быть самолет упадет? Или в нас врежется другой самолет из-за ошибки диспетчера?

Бред...

А может быть нас обманывают, и Уля мертва. Вот это реальнее, но я лучше поверю в косяк работника аэропорта. Так спокойнее.

Нет?

Тогда почитаю. Томик Отверженных у меня всегда с собой. И я даже осилила половину с мыслями, смогла бы я сыграть кого-то из персонажей. Смогла бы я показать их боль? Достаточно ли во мне своей, чтобы зритель поверил. Как в Ларису.

Мысли о театре относят меня к образу Шолохова, который перестал быть идеалом режиссера. Несомненно, мы все поддаемся страстям. Но если он готов оставить целый курс на другого педагога, только чтобы удовлетворить свое сексуальное либидо, то он не мастер своего дела. А просто руководитель самодеятельности.

Печально.

Ведь я хотела на него равняться.

За тревожными думами и не заметила, как за окошком раскинулась туманная Москва, словно прикрытая серым порванным одеялом. Буду ли я здесь еще жить? Или мое место в Новосибирске?

В аэропорту почти сразу нахожу взглядом детектива. Он высматривает меня, но не видит. Так что подхожу сама и трогаю его руку.

– Добрый день. Я Нина.

Он сначала странно дергается и быстро осматривает меня с ног до головы. Что-то проговаривает на иностранном языке. Я, к своему стыду, его так и не освоила. Потом вдруг лучезарно улыбается и прижимает меня к себе.

Это, конечно, вежливо, но странно.

– Нина... Какая ты милая и чистая...

– Что?

– Рад, говорю, тебя видеть. Пойдем. Время у нас есть. Перекусим, и ты расскажешь о себе.

Пытаюсь собраться и понять, зачем мне рассказывать о себе. Но иду за ним в ближайшее кафе. Там за несколькими столиками сидят девушки. Разные. Все молодые и симпатичные.

– Девочки, это Нина. Не отвлекайтесь. Успеете познакомиться.

Мне кажется, я попала в комедию положений, потому что этот чудак меньше всего похож на детектива. С ним разговаривали по телефону родители, я только вела переписку. И по ней он мне казался адекватным. Может я просто устала и придираюсь?

– Так вы знаете, где Ульяна?

– Ну конечно, конечно. Видел своими глазами, – улыбается он и тянется к моей руке, но я одергиваю. Меня начинает колотить от паники, но я продолжаю наседать.

– Так... Почему она не звонила?

– Так... неоткуда было.

– Вы ее не могли привезти? – задаю вопрос, о котором раньше не подумала. И в голове очень четкий голос Бориса: «Дура».

– Нет, нет. Ее может забрать только родственница. Вы же сестры?

– Конечно, – бросаю взгляд на хохочущих девушек. – Они тоже кого-то потеряли?

– Нет, – улыбается детектив. – Я везу их на работу. Знаешь же, в Европе всегда спрос на молодых образованных барышень.

Именно в этот момент одна из них лопаёт пузырь из жвачки, и я мажу взглядом по детективу.

С «образованными» я бы поспорила. В ожидании рейса просматриваю ленту в контакте, потом пытаюсь вернуться к чтению. Слушаю музыку. Но все кажется, что это как пытаться достать из горла застрявшую рыбную кость. Бесполезно.

– А она говорила про меня, про родителей? – спрашиваю детектива, пока он что-то втирает рыжей кудрявой девушке. Совсем еще девчонке. Не знай я, что до восемнадцати без разрешения родителей в другую страну не улететь, подумала бы, что ей шестнадцать.

Интересно, а как бы я отреагировала, узнай в этом возрасте, что мной интересуется Борис?

Такой вот мужчина. Взрослый, состоявшийся.

Не знаю. Наверное, испугалась бы.

Я тогда о мальчиках не думала, мне было интереснее просто гулять и лазать по скалам, смотреть на наш городок с высоты птичьего полета.

Телефон в руке жужжит, и я дергаюсь, когда вижу вопрос на экране.

«Что ты делаешь в Москве?».

Осматриваюсь по сторонам, на детектива, девушек, толпы и не спешу отвечать.

Да и что я ему отвечу.

«Куда ты летишь?».

Новый вопрос и мне почти хочется вскочить и бежать скорее на рейс. Он может и следить за мной, но про рейс я даже вслух не говорила. Не говорила число, когда улетаю.

Надо что-то соврать. Любую мелочь. Но зачем? Лучше сказать, как есть.

«Моя жизнь тебя больше не касается».

Набрала трясущимися пальцами и, кажется, что заново нажала на курок. Много ли крови было тогда. Кто за ним ухаживал. Собирается ли он снова жениться?

Столько вопросов. Мне кажется, он бы на них ответил. Но задать их, значит дать понять, что я думаю о нем. Скучаю. Что тело томится по распутным ласкам, в которых он был опытным мастером. А что вытворяли его пальцы... Боже.

– Нам пора, – говорит детектив, как раз во время объявления посадки на рейс «Москва – Амстердам».

Я выдыхаю от облегчения, когда мы проходим последний пункт досмотра, но странно, что Борис так ничего и не ответил.

В самолете детектив садится со мной рядом и начинает рассказывать, как в некоторых авиакомпаниях плохо относятся к пассажирам.

– Часто летаете?

– По работе, – улыбается он, и я отворачиваюсь. Так может улыбаться гиена в ожидании твоей смерти.

Мы сидим в середине салона, когда бортпроводница начинает закрывать дверь.

– Ты тоже едешь работать моделью? – спрашивает меня кудрявая девочка сзади, и я смотрю в ее огромные раскосые глаза. Красивая. Все девушки красивые.

«А у вас был парень?».

«Вы такая чистая, милая».

Голова начинает кружиться, когда я понимаю, что это за девушки и куда они едут.

Глава 9

Я слышала эти истории. Много раз. Но пока не столкнешься и не осознаешь, что это существует.

И только сейчас до меня доходит, зачем детектив вежливо попросил отдать ему паспорт до конца полета.

Он его возвращать не собирается. Никогда...

Вскакиваю с кресла с испуганным визгом:

– Стойте! Я передумала лететь! Мне плохо!

На меня как ну дуру смотрят пассажиры, и я начинаю ломиться к выходу, но детектив с силой усаживает меня обратно.

От эмоций его акцент становится слышнее.

– Сядь, пока не вырубил...

Перед глазами туман осознания, что я сама на это подписалась.

Дура. Господи, какая дура!

И именно в этот момент бортпроводница отбегает от входа, в который врываются служба аэропорта.

Они слышали мои крики? Seriously?

Они тут же подбегают к детективу и начинают выволакивать из самолета под злобные крики на иностранном языке. Оставшийся офицер смотрит на испуганных нас:

– Вам тоже придется покинуть салон самолета.

Мы дружно выходим и под конвоем и недоуменными взглядами идем по карману, потом долго по коридору, пока не натыкаемся на дверь «Госнарконтроль».

Я в панике оглядываюсь, но нас уже затапливают и вынуждают предъявить ручную кладь, а потом и вообще раздеваться.

Здесь же овчарка, которая яростно лает на испуганного детектива. Потом его уводят.

Меня колотит, уже даже не от холода, пока подвергаюсь осмотру женщины в форме.

– Придется белье тоже снять.

– Что? – возмущенно выдыхаю. – Я ничего не прячу.

– Перевозчики запрещенных веществ бывают весьма изобретательными...

– Вы же шутите? – обнимаю плечи, но она лишь раздраженно наклоняет голову на бок.

– Снимите трусы.

Ладно мы хотя бы в кабинете без мужчин. Но я все равно не могу себя заставить пройти эту унижительную процедуру.

– Быстрее! Тут еще кроме тебя пять девушек! – повышает голос...

– Это необязательно... – в пораженное мерзким страхом сознание врывается голос. Тот, от которого трепет. Тот, что снится мне ночами, приказывая, подчиняя. Сердце заходится от бешеного стука.

Я резко оборачиваюсь. Облегчение лавиной накрывает, и я с визгом бросаюсь на Бориса. Обнимаю ногами, руками, целую твердую кожу лица. Господи, господи. Спасибо, спасибо!!!

Потом правда осознаю, что делаю и спрыгиваю.

– Спасибо, – откашливаюсь и смотрю на удивленные лица. Борис как обычно даже не дернулся.

И именно сейчас его спокойствие стало тем маяком, который всегда мелькает сбившемуся кораблю в нужное время. Надежная, непоколебимая скала.

– Вещи, Нина.

– А, да... – бегу к кушетке, быстро надеваю брюки, накидываю блузку, наблюдая, как Борис показывает офицеру—женщине документ. То есть она даже не знала, кто он, но аура власти, которая витает вокруг, не дала ей и пикнуть.

Она кивает, отдает бумагу.

– Мы не станем моделями? – грустно спрашивает кудряшка, и мне на мгновение ее становится жалко. Так быстро рушатся мечты.

– Радуйся. Ты могла угодить в страшную ловушку.

– Нина, быстрее. Я спешу.

Мне почему—то становится спокойно, но процедура, которую избежала я, ждет всех этих девушек.

Я останавливаю Бориса рукой, когда он закрывает за нами дверь.

– Стой. Надо им помочь.

– Они не моя забота.

Я начинаю активно думать, как Борис оказался здесь. Как у него нашлась нужная бумага для моего освобождения.

– Это ты все подстроил? – торможу я, надеваю куртку и смотрю в прямую спину. – Детектива, перелет. Хотел, чтобы я была тебе снова благодарна? Чтобы снова легла под тебя?!

– Нет, – поворачивается он. Мы на мгновение замираем, смотря друг другу в глаза. Сглатываю вязкую слюну и пытаюсь перебить головокружение. – Мне нужно было снять тебя с самолета. Позвонил и сказал про перевозку наркотиков. Я спешу. Нина. Поистерить о том, какое я чудовище, ты можешь и в машине. Пое-ха-ли.

Глава 10

Если честно, я не знаю, как себя вести и что говорить. Надеюсь только, что Борис не собирается мне мстить за тот выстрел. Хочу уже спросить, когда догоняю его на выходе из Аэропорта, но он опять предвосхищает вопрос. Отвечает:

– Завтра с утра рейс в Новосибирск.

Москва встретила меня снегопадом, что напомнило тот день, когда я как ошалелая бежала по улице, чтобы заглушить боль измены.

А все потому что Борис сидел в ресторане с Улей.

Я хотела сбежать от него, но он не позволил. Уля тогда упомянула жену Бориса, но я не предала этому значения.

Я и сейчас не особо придаю этому значения, ведь была измена.

Мне кажется, надо быть полной дурой, чтобы обратить внимание на другого, когда рядом он. Все такой же. Жесткий, строгий, с тонким запахом мужского парфюма. Всегда закрытый на все пуговицы и замки.

Я до сих пор не могу ответить на вопрос, что он нашел во мне тогда. В шестнадцать. Почему выбрал меня, а не яркую как звездочка сестру.

– Где Ульяна? – спрашиваю, пока машина едет по заснеженным улицам вечерней Москвы. Она вся забита новогодними гирляндами. Ровно два года назад и я страстно ждала праздника. Хотела быть только с Борисом, а теперь мне страшно подумать о том, какой зависимой я от него была. Эмоционально. Физически.

Теперь мне легче. Я чувствую тягу, но могу с ней бороться.

Мне просто нужно взять себя в руки и сказать себе, что этот человек чудовище. Но так ли это?

Борис откладывает телефон, поворачивается ко мне и пристально разглядывает. Я же чувствую, словно шею сдавливает ладонь. Воздуха все меньше. А пространство вокруг теряется, как будто во всем мире только я и он.

На языке вертится дерзость, но я просто повторяю свой вопрос.

– Где Ульяна?

– Скорее всего мертва.

Он... Он так просто это сказал. Так просто и безразлично, а у меня в груди начинает жечь, по щекам течь слезы.

Зачем? Зачем он так. Зачем помогал, чтобы заставить меня страдать.

Негативные эмоции. В них он мастер.

– Ты сама спросила, – словно отвечает он на вопрос и хочет вернуться к телефону, но я хватаю его за рукав дубленки. Он смотрит на пальцы, что крепко в него вцепились, потом скользит взглядом вверх.

Он знает, что я хочу выяснить все.

– У нее был конфликт с двумя любовниками. Падкими на развратных блондинок.

– А ты не падок?

– Раньше я думал, мне нравятся умные женщины. Последние годы говорят об обратном.

Он говорит обо мне. Хочет задеть? Не выйдет. Сейчас я хочу знать все о сестре. А главное, почему он не рассказывал ничего раньше.

– Ты меня не обидел, рассказывай дальше.

Борис молчит, словно о чем-то думая, продолжая смотреть мне в лицо. Уже хочет продолжить, но водитель впереди говорит:

– Приехали, шеф.

Действительно, мы тормозим.

Я чертыхаюсь, бросаю взгляд в окно и замираю. Это жилой комплекс, где жили мы с Борисом. Высотное здание, из окна которого открывается потрясающий вид на Москву.

Тот самый жилой комплекс, откуда я улепетывала с пистолетом, откуда улетела на вертолете с помощником Бориса – Иваном.

Меня трясет, и я впиваюсь ногтями в собственные коленки.

– Нина...

– Я не пойду, – выдыхаю. Там слишком много всего. Там слишком много эмоций. Там я прежняя, глупая, порочная, зависимая от любого внимания, что может дать хозяин. Даже если это больно. Не пойду.

Борис опирается рукой о дверцу, другой о крышу и жалит мне щеку взглядом.

– Ты не хочешь увидеть Виктора?

Резко поворачиваюсь и удивленно смотрю в спокойное лицо. Врет? Но что коту Бориса здесь делать?

– Он не в Усть-Горске?

– Отказался уезжать. Насиловать я не стал.

– А как же он? Ему, наверное, грустно? А кто его кормит?

– Приходящая домработница. Нина. Мне нужно переодеться и ехать на встречу. Я не могу ее пропустить. Даже ты не стоишь пять миллионов долларов.

Даже? А сколько стою.

– Стою, – улыбаюсь я, вылезая, – иначе ты бы не стал меня выручать.

Стою прямо перед ним, пока он сверлит меня взглядом.

– Так сколько я стою?

– Ответ на этот вопрос может вызвать много эмоций с твоей стороны. Сейчас у меня нет на это времени, – отходит он в сторону. – Пошли. Судя по всему, этот вопрос интересует тебя больше, чем гибель сестры.

Слова летят мне в спину, и я прикрываю глаза. Правда из его уст всегда самая горькая. Пытаюсь взрастить в себе чувство вины за отсутствие слез из-за новости об Ульяне.

Я плохой человек? Или просто давно смирилась с мыслью о ее смерти.

Хочу заплакать, но ни слезинки. Хочу начать истерить, но внутри сплошной штиль.

Просто иду за Борисом в парадную, захожу в лифт, невольно ощущая, как снова воздуха стало меньше. Сердце заходится от стука, хотя он даже не смотрит на меня. Да и охранник его здесь.

– Расскажи мне про Ульяну, – снова требую я, чтобы дать себе передышку. Охранник впереди уже открывает нам двери.

– Когда вернусь, поговорим, – сразу уходит Борис в спальню и оставляет меня одну в прихожей.

И я застываю, рассматривая ничуть не изменившуюся квартиру. Словно я вчера была здесь и готовилась к новогоднему празднованию вместе с любимым.

Но все опять пошло не так.

Делаю шаг вперед, закрываю за собой двери, как вдруг руку обжигает. Смотрю на запястье, а там две глубокие царапины. Потом взгляд прямо и вижу на кухонной стойке недовольную черную морду огромного кота.

– Как будто я виновата, – шагаю к Виктору, но он шипит. Клыки обнажает... И я чувствую его боль. Она сильнее той, что от когтей, он сильнее той, что от выстрела.

Я ведь только сейчас понимаю, что встреча с этим живым существом вызывает во мне больше эмоций, чем известие об сестре.

Хочется кинуться на колени и просить животное о прощении. В том, что из-за собственных страхов, родителей, болезненной любви совсем забыла, какого ему

здесь.

В одиночестве.

Кажется, что я тоже все это время была одна. Всегда была одна.

И только он давал мне не совсем утонуть в пучине собственного нытья и страданий.

– Прости, – шепчу я и тяну руку к черной гладкой шерсти. – Прости, мой хороший.

Почти касаюсь морды, но тут же шиплю, когда острые клыки впиваются мне в пальцы. Но затем начинаютлизывать, продолжая ругать взглядом.

– Верю, мой хороший. Я тоже скучала. Очень.

Поднимаю его на руки и оборачиваюсь, слыша шаги.

Борис в черной шелковой рубашке и джинсах бросает взгляд на нас и поднимает уголок рта.

Хочется победно улыбнуться, что кот, несмотря на его характер, принял меня даже спустя два года.

– Просто ты в него не стреляла, иначе он бы тебе глотку перегрыз, – произносит Борис и хлопает дверью, оставляя меня в безмолвии и страхе. Утыкаюсь в шерстку урчащего кота.

И вот что это было? Обида? Compliment? Попытка напугать? Или Борису просто необходимо оставлять за собой последнее слово?

Даже если так, то на сегодняшний вечер я возвращаюсь в прошлое. С одним только исключением. Я ни за что не поддамся, если Борис начнет меня соблазнять. Ни. За. Что.

В этом месте никогда не было женщин. Это устраивало владельца, это устраивало гостей. Здесь велись разговоры о больших деньгах, завязывались связи, решались вопросы. Без конфликтов тоже не обходилось, но решал их владелец, без которого это ресторан-клуб в центре Москвы, спрятанный между высоток в подвале, просто не работал.

Владелец был крупным седовласым мужчиной с большим шрамом на виске и сломанным на военной службе носом. Его имя называют редко, часто говорят просто «Генерал». И если ты попадаешь под его внимание – вариантов два.

Либо ты поднимаешься и будешь вхож в его клуб. Либо сдохнешь. Другого не дано.

Борису повезло. Однажды именно он встретил генерала в плену. Умирающего, задыхающегося в собственных испражнениях старика. И риском для жизни вытащил. Не по доброте душевной, это в Борисе искоренили еще в детстве. А потому что Генерал имел доступ к власти подпольного мира России. Знал людей, которые могли исполнить мечту Бориса. Контролировать свою жизнь.

И за одно только обещание Борис расправился с охраной голыми руками. Убил снабженных оружием мальчишек. Не стал церемониться с супругой главаря Афганской бандитской ячейки. Он донес Генерала до базы и стал героем... А уже через пять лет начальником бригады завода Усть-Горска. А еще через пять его владельцем. Одним из самых успешных людей страны.

Но любое богатства несет за собой хвост проблем. Борис стабильно его рубит. Но это как бороться с чудовищем, у которого вместо одного хвоста растет еще два. И эта борьба происходит порой ценой собственных желаний.

– Слышал, на тебя наехал мэр Москвы?

Борис оглядывает собравшуюся компанию, потом переводит взгляд на развалившегося в кресле генерала и хмыкает.

– Этот еблан посчитал, что я ручная зверушка, кующая металл. Пусть прикроет хлебало.

– За ним стоят серьёзные люди. Порой надо проявить мудрость. Проиграть битву, чтобы выиграть войну.

Эту фразу говорил себе Борис в день побега Нины два года назад.

И на это были причины.

В тот момент проблемы с криминальным авторитетом, а ныне новым замом губернатора области вышли из-под контроля. Борис не знал, как защитить себя, так что в первую очередь вынудил Нину на крайние меры. По сути отправил ее в свободное плавание.

Тогда все думали, он умрет, и это помогло вычислить крысу.

Борис думал на Ивана.

Но спустя время понял, что это была проклятая ревность. Потому что на Нину нападают все особи мужского пола в радиусе километра.

И ведь дело не во внешности, которая без должного ухода обыкновенная.

Дело в той эмоции, что она собой несет... Порой кажется, что, трахая её или даже фантазируя о трахе, получишь заряд жизненной энергии, которая бьет из неё ключом.

– Этот сопляк ничего не получит, пока не научится вести дела, не как быдло политеховское, – возвращается Борис к теме разговора. Он вспомнил, как ломал руку, что тыкала в него стволом.

– Себя вспомни.

– Я никому не угрожал. Не ширялся. Не трахал шлюх на рабочем столе. И я точно не читал речи под кайфом, – выговаривает Борис зло.

Он не уважал тех, кто получает своё место под солнцем и не ценит его. Он был честен с собой, такая честь редко давалась честным и благородным. Если он когда-то мечтал стать таким, то жизнь быстро показала, что, по сути, ничего в мире не изменилось с момента его создания.

Либо ты маскируешься и прячешься, чтобы тебя не сожрали. Либо сжираешь сам. Но при этом всегда нужно помнить, что на любого хищника найдется зверь крупнее.

Генерал не лез в дела Бориса, но знал он них все. Он не подал бы ему руку, окажись тогда молодой Борис на его месте. Он точно не стал бы выручать его сейчас. Но всегда помнил, что, несмотря на внутренний стержень и внутреннюю эмоциональность, Борис крайне тщеславный и эмоциональный человек. А значит непредсказуемый и опасный.

И девушка, что периодически с ним появляется, яркое тому подтверждение.

– Ты сегодня задержался. Думал, ты оставил затею жениться.

– Я тоже так думал, – выругался Борис и дернул рюмку водки, не закусив.

Он любил это ощущение жжения горла, которое медленно стекает вниз, заполняя все тело негой.

Именно такой было для него Нина.

Горькой, глупой шлюшкой, прикосновение к которой вызывает острое желание просто подохнуть от наслаждения.

Её как коллекционную бутылку водки хочется прибрать к рукам и доставать из бара время от времени. Дегустировать и убирать обратно. Борис порадовался, что избежал алкогольной зависимости под названием Нина.

И он закодировался на два года. Просто наблюдал издалека. Его устраивало представлять её, пока трахает других. Но черт дёрнул написать ей. Уж больно красиво она умирала.

А Борис не раз помнил, как во сне сам её убивал. Снова и снова. Членом. Ножом. Зубами.

А Нину черт дёрнул совершить очередной идиотский поступок именно тогда, когда у генерала юбилей. А значит Борис появился в Москве.

– Ты понимаешь, что можешь навредить тому, к чему шёл так долго... В нашем деле ошибок не прощают...

– Я обыкновенный владелец заводишки. Кому я нужен?

– Ты, – опирается генерал, пьяно хохотнув, – никому... А твой «заводишко» мечтают прибрать к рукам с советского времени. Мы ведь с тобой знаем, что ты там не только алюминий льешь? Не рискуй из-за бабы.

– Я больше рискую, постоянно вытаскивая её из дерьма. Будет гораздо безопаснее привязать её к себе.

– А её ты спросил?

– Она давно согласна, – хмыкает Борис. – Её попытки быть независимой лишь это подтверждают

Генерал пожимает плечами. Он своё слово сказал. Теперь только надеялся, что у Бориса голова на плечах, а не ниже...

Именно в этот момент в кармане пиджака Бориса звонит телефон.

– Борис... Александрович... – блеет в трубку охранник квартиры. И Борис напрягает скулы, дергает кадыком. Сука...

– Короче...

– Нина Леонидовна ушла и кота нет.

– Не понял... – поднимается Борис с кресла и, кивнув усмехнувшемуся генералу, шагает к выходу.

– Ты где был?

– Да здесь. Она сказала, что ей плохо, потом начала раздеваться, а потом... Я очнулся.

– Не объясняй, – шипит Борис и бросает трубку.

Звонит Ивану и выговаривает, что его найденная охрана ведется на малейший женский обман. Он отправляет людей на квартиру, а сам гонит в аэропорт. И только возле здания задумывается, что на месяц можно перевести дела в Новосибирск.

Надо отдать Нине должное, своими чарами она начала пользоваться на полную катушку. Что повлечет за собой новые проблемы...

А значит пора её сажать на привязь. Чтобы объяснить сучке, где её законное место.

И только мысль не дает покоя.

«Что она такого нашла, что сделала ноги?», – только и подумал Борис уже предвкушая, как будет её наказывать.

Глава 12

Врать родителям нехорошо. Это я поняла давно. Помню последствия. Но мне не было стыдно, когда по приезду из Москвы я врала насчет Ульяны... От Бориса я так и не услышала подробностей, но врать бы он не стал.

Я хотела, чтобы еще немного в маме и папе жила вера в лучшее. Чтобы хоть еще несколько месяцев они пожили надеждой на воссоединение семьи.

Но вот о детективе и девушках, которых он вез работать, я рассказала в подробностях. Только в своем спасении не упомянула Бориса.

Это тоже вранье во благо. Не хочу их волновать. Да и судя по прошедшему времени, мой побег его не сильно-то волнует.

День. Два. Три. Неделя.

Сначала я тряслась осиновым листом, даже если видела похожую машину или мужчину в костюме.

Новый год прошел под печатью тревоги, что сейчас ворвутся его люди и все испортят. Но день сменялся днем. Виктор обживал новое место, а я успокаивалась.

Снова вернулась к работе Снегурочки, после Рождества успокоила Женю, которую бросил Шолохов. И только потому, что в дом его Женя не пускала. Решила поиграть в недоступность, а ему это не понравилось. А еще я пару раз сходила на свидание с Толиком. Дала ему себя поцеловать. Специально, словно зная, что Борис смотрит. Пусть видит, что я выросла и могу жить без него. Пора двигаться дальше. Потому что Борис должен оставаться воспоминанием о болезненной любви, но не более.

Так будет лучше для всех.

А еще предстояло дать понять Шолохову, что я никакая ни сабмиссив, и все его поползновения бессмысленны и будут отклонены.

В моей жизни уже был один властный герой, теперь я хочу строить ее сама.

– Уверена, – смеется над моими словами Шолохов, по привычке зажав меня в углу. В самый первый день учебы. – Я соскучился...

– Полностью, – жалась я к стене и надеялась, что в укромном уголке кто-то появится, и Шолохов струсит. – Мне нравится обычные романтические отношения. Прогулки под луной. Сомневаюсь, что вы на них способны.

– Я на многое способен, Малышка, – шепчет он и резко тянется к губам. Его рука зажимает мне лицо, не дает возможности воспротивиться. И мне становится противно от самой себя, что за последние несколько дней уже второй мужчина меня целует.

А ведь от Бориса я сбежала, прекрасно понимая, что не смогу ему противостоять.

Но почему тогда я должна терпеть режиссера. Стоит ему рискованно сунуть мне язык в рот, как я с силой сжимаю зубы.

– А-а!

Он отстраняется, воет, держась за рот, и я победно улыбаюсь.

– Так будет с каждой частью вашего многоуважаемого тела, которую вы попытаетесь в меня запихнуть, Константин...

– Дулла-а...

Усмехаюсь, чувствуя какое-то извращенное удовольствие от его мучений и несколькими каплям крови на его губах... Когда я стала такой кровожадной?

Делаю шаг в сторону и резко торможу, словно врезавшись в шлагбаум.

Отмираю и оживаю вновь. Может быть мираж? Может быть мне опять мерещится? Все страхи возвращаются и покрывает кожу тонкой коркой льда. Но стоит подышать под пристальным взглядом Бориса, как внутри растекается пламя и топит лед. Зато гнев поднимается из самых глубин тела. Как он смеет? Как он смеет снова вторгаться в мою налаженную жизнь?!

И стоит такой, как будто меня только что не пытались изнасиловать. Облокотившись на стену. Он и в первую нашу встречу так стоял. Не пытался мне

помочь. Только смотрел. И если в тот раз его взгляд был равнодушным, то сейчас скорее раздраженный.

Мне почему-то становится страшно за Шолохова, и я сразу бегу к Борису. Пока режиссер разминает язык и пытается привести себя в чувства.

Магнат уже шагает прямо по коридору. Иногда поглядывает на развешенные картины, изображавшие драматические сцены известных спектаклей.

Я подстраиваюсь под его темп, не решаясь заговорить первая. Даже гневаясь, рядом с ним теряюсь. Не знаю с чего начать разговор. Просто иду рядом, иногда здороваясь со знакомыми однокурсницами, замечая их жадные взгляды. Похотливые сучки. Делаю шаг ближе к нему, неосознанно и поднимая голову. Теперь смотрю на строгий профиль, отсутствие щетины, которой он себе никогда не позволяет и ловлю неожиданное чувство дежавю. Странно, но вот так рядом мы идем впервые, а кажется, что я уже была в этой сцене.

А потом вспоминаю, где мы находимся, и резко его торможу.

Хватаю за рукав и, нахмурившись, заглядываю в глаза.

Неужели он и в этот раз смог проконтролировать мою жизнь?

Зачем он здесь? Что ему нужно?

– Скажи мне правду...

– Я никогда тебе и не лгал, Нина, – рассматривает он мое лицо. И чувствую, как сотни мелких игл колют кожу от этого

Верно, он не лгал. Просто не отвечал на вопросы. Как удобно, да?

– Я поступила на бюджет сама?

Он наклоняет голову в сторону и задает ответный вопрос.

– А ты сдавала вступительные голой?

– Что? – опешиваю, хлопая глазами. Оскорбляюсь, понимая, на что он намекает. – Нет конечно! Как ты мог подумать?!

– Ну, значит сама.

Руки в кулаки сжимаются. Скотина.

– А просто ответить ты не мог?

Он поворачивается и снова марширует, а я за ним.

– Тогда что ты здесь делаешь? Не поверю, что ты пришел просто так. Посмотреть, как меня в очередной раз пытаются изнасиловать.

– В этот раз ты справилась неплохо. Думаю, даже оставить режиссера в живых.

– Это не смешно! – торможу его руками, упираясь в грудь словно в таран, что на меня надвигается. Потом опомнившись убираю руки. Черт... Хватит его трогать. – Это не смешно. Нельзя убивать людей только за желание ко мне.

– Если бы я убивал только за желание, в моей охране не осталось бы людей. И нельзя думать, что весь мир крутится только вокруг твоей персоны, Нина.

– Людей вообще убивать нельзя, – строго говорю я и потом осознаю следующее предложение... Что?

Хмурюсь и резко вздрагиваю, когда по спине тянется прохлада и оглушает гром—голос:

– Боря! Черт! Как же я рад тебя видеть!

– Привет, Михалыч. Как на новом месте? – Борис просто отстраняет меня в сторону и жмет руку полному мужчине с лысиной. Только сейчас вспоминаю, что у нас в вузе новый ректор. А куда делся старый даже не знаю.

– А это кто? – стреляет в меня взглядом «Михалыч». – Вы студентка? Обратитесь к секретарю. Пойдем, Боря. Расскажешь, каким ветром тебя занесло в Новосибирск. Моего охамевшего племянника можно ведь и по телефону было обсудить.

Ректор шагает к себе в кабинет, что мельком сияет стеклянной витринной с наградами и дипломами. Дергаюсь, когда ко Борис трогает мое плечо.

– Ты, когда в меня стреляла, не думала о том, что людей убивать нельзя?

– Я хотела защитить отца, – цежу сквозь зубы.

– А я защищаю свое. Так что ты своей задницей можешь лишить кого-то жизни.

– Что? – ну почему с ним я ощущаю себя дурой!

– Я о твоём Толечке, которому тебе так нравится засовывать язык в рот.

– Ты следил за мной!? Старый извращенец! – шиплю я ему и даже поднимаю руку, чтобы ударить по щеке, но вспомнив, чем это закончилось последний раз, опускаю. Просто отшатываюсь, когда вижу его взгляд. Темный. Порочный. Магнетический.

– А молодые, судя по всему, тебя не возбуждают.

Он выпрямляется и шагает в кабинет, закрывая за собой дверь, и я только успеваю услышать:

– Мне очень интересно, кто помог ему занять пост мэра.

Взбешенно дышу, просто негодую! Разворачиваясь, бегу в сторону своей аудитории. Потом, немного подумав, в гардероб. Не могу находиться в одном с ним здании. Не могу думать о нем. Не хочу видеть его. Терпеть его не могу! Ясно!?

Даже не спросил, как я добралась до Новосибирска с огромным котом. Бесчувственный сухарь.

Первый раз собираюсь прогулять оставшиеся пары, так что забираю свою куртку из гардероба и на ходу звоню Жене.

– Я страдаю... – ноет она, но я знаю, как ее взбодрить.

– Я тоже. Собирайся, идем в клуб. Страдать так с музыкой.

Глава 13

День спустя

Просыпаться было больно. Тело словно прокручено через режим выжима в стиральной машинке, в горле жуткий сушняк.

Когда я последний раз пила? На выпускном.

В тот день Борис макал меня головой в холодное озеро, чтобы пришла в себя. А в этот раз? Мне бы не помешало озеро похолоднее...

Борис не появился. А ведь я ждала его. Осознанно или нет, но я ждала его появления, я совершала аморальные поступки, вроде танцев на столе и жадных поцелуев с незнакомцем.

Или это все мне приснилось?

Резко открываю глаза, щурюсь от яркого солнца. Незнакомец. Он потащил меня куда-то. А я особо не сопротивлялась, пьяно думая, что Борис в любом случае меня спасет.

Всегда спасал.

В этот раз почти не случилась трагедия. Незнакомец уже был голый, а я уже с раздвинутыми ногами.

В последний момент пришло осознание, что спасти меня никто не собирается, и я треснула парня пяткой в яйца. Подхватила вещи и кинулась на выход.

Оказавшись в коридоре с мигающими огнями, я побежала... А, дальше...

Черт... А, что было дальше...

А главное, где я сейчас? А где Женя? Рой вопросов, и в номере отеля, где я нахожусь голая, нет никого, кто бы ответил.

Нахожу свой телефон и радостно набираю Женю.

– Ты быстро смоталась, – еле ворочает она языком, а потом за тобой твой Борюсик приехал. Ты бы себя видела. Лезла на него как кошка в брачный период.

– Ужас... – закрываю глаза и накрываюсь одеялом. Меньше всего я хотела выглядеть вот так. Наоборот же хотела показать, что он мне никто.

– Было забавно. Особенно учитывая его выражение лица.

– Какое?

– Никакое... – ржет Женька и вскрикивает. – Давай домой. Твой кот, кажется, собирается сожрать меня.

– Скоро буду.

Я поднимаюсь с кровати, заворачиваюсь в простыню и внезапно чувствую, что кожу рук как будто стянуло пленкой. Смотрю на ладонь и сжимаю ее в кулак, потом разжимаю. Принюхиваюсь и сразу понимаю, что это за запах... Господи... Что еще я натворила. Это же сперма Бориса. Выглядываю в другую комнату, но его не видно, и я бегу в ванную. Смотрю на себя в зеркало и хмурюсь сильнее. Волосы как воронье гнездо. Под глазами черные следы макияжа, а во рту как

будто помойка.

Быстрые процедуры и я уже могу выйти к Борису и, как минимум, извиниться за то, что ему пришлось опять меня выручать.

Завернувшись в душистый белый халат, я шагаю по направлению двери, открываю и погружаюсь в смесь света и приятного запаха. Номер отеля дорогой, с вычурной мебелью и тяжелыми тканями портьеры. Я вдыхаю смесь сирени и невольно улыбаюсь, ищу глазами Бориса. Может быть мы сможем хотя бы попробовать нормальные отношения. Ведь он пришел за мной. Принес сюда. Заказал завтрак. Не тронул. Не наругал. Получается, какую бы дичь я не творила, Борис все равно меня найдет и спасет. Это знание вселяет много неадекватной уверенности. И мне даже интересно, какой мой поступок отвлечет его от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/elena-grom_/nevesta-stal-nogo-magnata

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)